тельно поэтому, что весь материал «свода 1448 г.» после 1448 г. оказался неприемлемым ни для одной из сторон: в Новгороде, куда бежал Шемяка и где его признали великим князем, весь этот текст оказался замененным местными известиями (НК и особенно HIV, где даже известие о вокняжении Василия II в 1425 г. было опущено); в Москве — либо просто исключенным (CI старшей редакции), либо сокращенным и переделанным (CI младшей редакции).

Компромиссность — неизбежная и, по-видимому, характернейшая особенность свода, составленного в трудные годы феодальной войны 30—40-х годов XV в. «Свод 1448 г.» был общерусским сводом не только по составу, но и по своему характеру и тенденциям: из всех русских летописей этот свод обнаруживал, по-видимому, меньше всего пристрастия к какому-либо отдельному княжеству или земле. Этим объясняется парадоксальное объединение в «своде 1448 г.» московской, тверской и суздальской точек зрения, этим же объясняется и щедрое влияние новгородского материала. О чем шла речь в общерусском владимирском летописании (Лаврентьевская, Троицкая летописи) за XII—первую половину XIII в.? Прежде всего о борьбе за киевский престол. Что касается известий за вторую половину XIII в. (после татарского разгрома) и начала XIV в., то эти периоды вообще были чрезвычайно бедно представлены в общерусском летописании до XV в. Новгородское летописание, ставшее вполне самостоятельным с XII в., имело иное, богатое и часто более интересное для Северной Руси содержание. Введя обильный новгородский материал в общерусское летописание, составитель «свода 1448 г.» не только обнаружил заинтересованность в том, какую позицию займет Новгород в общерусских спорах, но и отразил изменившийся политический кругозор русского читателя своего времени. Основной проблемой дальнейшего развития Северо-Восточной Руси становилось объединение Москвы не с далеким Киевом (об этом московские летописцы стали думать значительно позднее), а прежде всего с Ростовом, Суздалем, Тверью и, конечно, Новгородом. Широкий кругозор неизвестного сводчика, работавшего в середине XV в. при митрополичьем дворе, сказался и в другом: он решительно заговорил о необходимости объединения всех сил для борьбы с «погаными» и впервые поставил этот вопрос не с узко московской (или тверской), а с общерусской точки зрения (использовав в этом случае и южнорусское летописание).

Летопись общерусская в полном смысле слова появилась в Северо-Восточной Руси в самый трудный период ее истории — в обстановке внутренних войн и «братоненавидения». Этим определялась и дальнейшая судьба летописи. Ни один из летописцев последующего времени не передал «свода 1448 г.» в полном и первоначальном виде — все они, начиная с CI, его как-либо сокращали или переделывали. Но свод этот благодаря широкому общерусскому составу и характеру сыграл все же важнейшую, определяющую роль в истории летописания последующего времени. Все общерусские летописи второй половины XV и XVI в. так или иначе восходили к «своду 1448 г.»; все они строили на его изложении свой рассказ о важнейших событиях русской истории с XII по начало XV в.

ГПБ, Q.IV.298, л. 18 об.; список Оболенского — ЦГАДА, ф. 135, рубр. 2, № 3, л. 11). Если перечень князей в протографе CI—HIV отражал компромиссный характер свода (например, если два сына Дмитрия Донского, Василий и Юрий, и два его внука, Василий Васильевич и Дмитрий Юрьевич, одинаково именовались «великими князьями»), то естественно, что и НК—HIV и CI должны были (после бегства Шемяки в Новгород и вокняжения Василия II) опускать (по разным причинам) окончание этого перечня.